

УДК: 323.113.01(=161.1)

JEL H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-39-45

Яхшиян Олег Юрьевич
канд. ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyan@mail.ru

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И «МОДЕРНИЗАЦИЯ» КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены преобразования Петра Великого в контексте эволюции крепостного права в России. Обоснован тезис о том, что в ходе петровских преобразований произошло так называемое «второе издание крепостничества», подмена его изначальных, вынужденных объективными условиями выживания и развития страны, сословно-правовых оснований. Подмена оснований крепостничества видится прежде всего в отказе государства от принципа обусловленности дворянских прав на поместье обязательной пожизненной службой в войске, а именно это вытекало из распространения на поместья владельческого формата вотчин. Анализ указа о единонаследии и его трактовок в историографии позволил сделать вывод о том, что освобождение дворянского землевладения от обременения обязательной службой создало правовую основу для последующей «вольности дворянства», стремительного расширения привилегий «благородного сословия» и, главным образом, владельческих прав на землю и крестьян. Податная реформа Петра привела к тому, что помещики стали усваивать взгляд на крестьян как на холопов, полностью от них зависимых, тем более в условиях возложенной государством на владельцев имения ответственности за уплату подушной подати и поставку рекрутов.

Ключевые слова: крепостное право крепостничество, крестьяне, поместье, холопы, вотчина, дворянство, служба государству, воинская служба, указ о единонаследии, податная реформа, подушная подать, недвижимое имущество, Петр I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Цитирование: Яхшиян О.Ю. Петр Великий и «модернизация» крепостничества в России // Вестник университета. 2021. № 10. С. 39–45.

Oleg Yu. Yakhshiyan
Cand. Sci. (Hist.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyan@mail.ru

PETER THE GREAT AND THE “MODERNISATION” OF SERFDOM IN RUSSIA

Abstract. The article examines the transformations of Peter the Great in the context of the evolution of serfdom in Russia. The author substantiates the thesis that during the Peter's transformations, the so-called “second edition of serfdom” took place, replacing its original, forced by objective conditions of survival and development of the country, estate-legal grounds. The substitution of the serfdom's grounds is seen primarily in the rejection by the state of the conditionality principle of noble rights to the estate by compulsory lifelong service in the army, namely, this followed from the extension to estates of the patrimony's possessory format. The analysis of the decree on single inheritance and its interpretations in historiography allowed us to conclude that the liberation of noble land ownership from the encumbrance of compulsory service created a legal basis for the subsequent “freedom of the nobility”, the rapid expansion of the privileges of the “noble estate” and, mainly, the ownership rights to land and peasants. The tax reform of Peter led to the fact that landlords began to assimilate the view of peasants as serfs, completely dependent on them, especially in the conditions of the responsibility imposed by the state on the owner of the estate for the payment of poll taxes and the supply of recruits.

Keywords: serfdom, serfage, peasants, estate, serf, patrimony, nobility, service to the state, military service, decree on single inheritance, tax reform, poll tax, landed property, Peter the Great

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42064.

For citation: Yakhshiyan O.Yu. Peter the Great and the “modernisation” of serfdom in Russia. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 39–45. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-39-45

© Яхшиян О.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yakhshiyan O.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В свое время в рамках марксистской историографии дискутировалась концепция «второго издания крепостничества» в странах Центральной и Восточной Европы, включая и Россию. Концепция в определенном ключе объясняла очевидное ужесточение крепостного права в этих странах в период позднего феодализма. В основном объяснение сводилось к выявлению связи между развитием капитализма в странах Западной Европы, обусловившим долговременный рост спроса на зерно, и ужесточением крепостнических отношений в восточноевропейских странах, прежде всего проявившемся в увеличении барщины и господской запашки, поземельной, личной и судебно-административной зависимости крестьян от помещиков. Последнее обстоятельство очень характерно для стран «второго издания крепостничества» – зависимость крестьян от помещиков становится практически неотличима от рабовладения. Капиталистический прогресс Запада закономерно оборачивался консервацией феодальных отношений на востоке Европы. Традиционное помещичье хозяйство адаптировалось к товарно-денежным отношениям, стимулируемым долговременной европейской рыночной конъюнктурой, в результате усиления феодально-крепостной эксплуатации крестьянства. Можно спорить, в какой мере эта концепция применима к России петровской эпохи, но само ее название – «второе издание крепостничества» – удивительно точно характеризует содержание и последствия преобразований «революционера на троне». Есть все основания говорить о петровском переоформлении крепостного права, подмене его базовых сословно-правовых оснований, о его своеобразной «модернизации». По своим долговременным последствиям для страны – преимущественно, если не однозначно, негативным – политика обновления крепостничества Петра едва ли не перевешивает все остальные его новации, вместе взятые. И объясняется она прежде всего резко возросшей в условиях Северной войны потребностью государства в гарантированном изъятии совокупного прибавочного продукта у непосредственных производителей, организованных в тяглые сословия крестьян и посадских людей. Петр I унаследовал проверенный временем работающий механизм такого изъятия – крепостное право – и «модернизировал» его, придал ему «второе дыхание». Импульсивная преобразовательная мысль царя никогда не выходила за рамки крепостной «матрицы» и двигалась всегда только в направлении эскалации крепостничества.

Базовое сословно-правовое основание крепостного права в его допетровской версии: поместные права дворян (помещиков) на землю и крестьян основывались на обязательности дворянской службы в войске. М. Ф. Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» отмечает: из понятий о поместном праве и его истории видно, что поместьями могут владеть только лица, служащие государству, и никто другой [1, с. 539]. Само поместье понималось не как вознаграждение за службу, а как ее условие, залог обеспечения служебной способности дворянина, форма условного землевладения. Крестьяне в рамках поместья оставались тяглыми людьми, обязанными платить подати и выполнять повинности в пользу государства. Только часть крестьянского тягла перераспределялась в пользу помещика под обеспечение его боеспособности. Право на поместную землю вообще и, в особенности – на ее крестьянскую (общинно-надельную) часть не понималось как собственность в ее феодально-частном, вотчинном формате. С крестьянской земли в поместье подати платились, а с барской пашни – нет. Исторически крестьяне попадали в крепостную зависимость к помещику в поместье вместе со «своими» общинно-надельными угодьями и деревенской оседлостью. Со «своими» – в данном случае означает характерное для феодализма неопределенное с точки зрения классических правомочий собственности представление крестьян об их праве пользования землей. И никаких оснований для «приватизации» помещиком изначально «их» земли (одновременно и Божьей, и государственной) крестьянское правосознание не усматривало. Крестьяне прикреплены к помещику вместе со «своей» землей ради обеспечения способности служилого человека – дворянина нести воинскую службу в государственном войске. В таком сословном раскладе суть «традиционного консенсуса» (удачное выражение А. Н. Медушевского, предложившего, правда, несколько более широкую его трактовку), легитимирующего крепостное право в его допетровской версии [4, с. 20]. Причем легитимирующего примерно одинаково в правосознании и царя, и дворянина, и крестьянина. Безусловно, практика поместного землевладения и крепостничества в целом была во многом суровой и очень часто несправедливой в отношении крестьянства, но само основание понималось и принималось. Соответствующее распределение обязанностей по отношению к государству между основными сословиями в целом воспринималось как реализация принципа социальной справедливости и приоритета государственного интереса в их конкретно-историческом традиционном-сословном варианте.

Постановка проблемы

К началу царствования Петра I в рамках сложившейся крепостной системы государство сумело обеспечить дворянам максимум владельческих прав в отношении прикрепленных к ним крестьян и поместной земли. Но это был максимум собственности при сохранении ее условного характера. Было сохранено главное – поместное право владения в своем пределе имело в качестве обязательного условия и ограничения собственнического интереса помещиков пожизненную службу в войске. Государственно-сословный консенсус нарушен не был, хотя власть и дворянство балансировали где-то на грани. Опять же ко времени воцарения и правления Петра созрели и в значительной степени произошли знаковые изменения в структуре и обеспечении вооруженных сил – формирование так называемых полков иноземного (нового) строя с ощутимым снижением удельного веса поместной конницы и медленный, но неуклонный перевод воинской службы дворян на денежное жалование. Обязательность поместного обеспечения дворян именно в целях обеспечения их способности нести воинскую службу становилась все менее очевидной. С одной стороны, это не могло не порождать мыслей о возможности ликвидации крепостничества в его существенной части – в части поместно-владельческих прав дворянства. С другой стороны, это не могло не генерировать вполне определенного корыстно-сословного интереса дворянства: хорошо бы, если обязательная пожизненная воинская служба будет сама по себе, а владение поместьем – само по себе, без прежней жесткой связи между ними. Хорошо бы, чтобы поместье утратило статус условного владения и приобрело статус вотчины – владения безусловного и наследственного. Реализация такого интереса означала разрыв «традиционного консенсуса» и подмену базового сословно-правового основания крепостного права, вела в перспективе к неминуемой его делегитимации в крестьянском правосознании.

Уже в петровское царствование этот интерес отчетливо проявился в деятельности Первой Уложенной комиссии 1700–1703 гг. Как отмечает А. Н. Медушевский, в центре внимания оказался вопрос о поместном землевладении с задачей включения в Новоуложенную книгу законодательных материалов 1649–1700 гг. Общий смысл этих узаконений сводился к тому, чтобы сделать прозрачными границы поместного и вотчинного права, облегчив переход условного соответствующие документы, и сама комиссия не подвела, быстро подготовив Новоуложенную книгу и даже проект указа о ее обнародовании [4, с. 25]. Суть подготовленного проекта: утрата поместными землями служилого статуса с выведением их из приоритетного владения и ведения государства и распространением на них наследственных прав. Проект, однако, подписан царем не был. Власть тогда не решилась утратить такой ресурс давления на дворян, как условный (служилый) характер их владельческих прав на земли и на крестьян. Но и противостоять упорному лоббированию дворянского сословного интереса также уже не имела возможности [4, с. 25–26]. По меткой характеристике А. Н. Медушевского, в период 1700–1714 гг. на площадке Поместного приказа развернулась скрытая борьба государственного интереса и дворянского стремления присвоить служилые земли [4, с. 26].

Обзор литературы

Государство впервые полностью проигнорировало служилое основание крепостных прав дворян на поместья в знаменитом указе Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» от 23 марта 1714 г. [8, с. 296–301]. Этот указ устанавливал новый порядок наследования недвижимости (земельной собственности) для служилых людей, горожан и однодворцев. Отец мог передать недвижимое имущество по выбору только одному из сыновей или дочери (если нет сына), при отсутствии детей – одному из своих родственников, но непременно той же фамилии. Как отмечает Н. И. Павленко, это едва ли не первый указ, обнародованию которого предшествовало изучение порядков наследования земельной собственности в ряде европейских стран [7, с. 278]. Возможно, именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что, работая над текстом указа, Петр принимает факт земельной собственности дворян как исходную безусловную данность. Кроме того, это первый указ, в тексте которого отразилось непосредственное участие самого царя в его разработке: Петр в это время уже мог отложить в сторону шпагу и взяться за перо, то есть сосредоточиться в большей степени на делах управления страной и законодательства.

В преамбуле царь заявляет, что усматривает государственный интерес в прекращении практики разделения имений между несколькими наследниками. Петра беспокоит перспектива измельчания землевладений.

В какой мере это опасение выглядит оправданным в отношении поместных земель? Согласно духу и букве прежнего законодательства помещик наследовал службу, а конкретное отцовское поместье ему могло быть передано во владение – с дроблением или без – только вместе со службой и с санкции Поместного приказа. Часть поместья могла передаваться вдове и малолетним детям «на прожиток». В отличие от вотчинных земель, сама возможность наследования поместья, опять-таки, с дроблением или без, подлежала непременно ведению Поместного приказа. Из этого следует, что в отношении фонда поместных земель, государство располагало всеми возможностями не допускать измеления поместий до уровня, исключающего возможность помещика нести воинскую службу. Вотчины, в отличие от поместий, наследовались, и со службой это землевладение не было увязано. Показательно, что В. Е. Якушкин отмечал, как постоянное явление в рамках поместной системы, следующую практику. Один из сыновей помещика, чаще всего младший, оставался дожидаться поместья и службы отца. И наследовал ему в связке и то, и другое. Остальные сыновья записывались в службу и верстались другими землями на поместном праве [8, с. 294]. Это обычное для допетровской России единонаследие практиковалось с санкции государства в отношении именно поместных земель. Любопытно, что обычное право русских крестьян также предусматривало наследование отцовского двора – по факту вместе с общинным наделом – младшим сыном наряду с обязанностью содержать престарелых родителей. Старшие сыновья, создав свою семью, выделялись из родительского двора, который предоставлял ему определенную долю в движимом имуществе по прошлому труду (дети с малолетства помогали в хозяйстве). С дворовым местом и усадебной оседлостью вновь образуемому двору (семейному хозяйству) помогала община, она же предоставляла надел. После выдела крестьянин больше никаких прав в отношении имущества родителей не имел – «отрезанный ломоть к ковриге не прильнет». Таким образом, дробление и измеление именно поместий к моменту законодательной инициативы Петра I не просматривается как кричащая государственная проблема. Тем более, что эта форма землевладения изначально и существенно уступала вотчине в количестве и земли, и крестьянских дворов.

Поместья, как и вотчины, указ отнес к недвижимому имуществу, унифицировав правовой режим названных форм феодального землевладения. Тем самым устранялось и правовое различие между поместными и вотчинными крестьянами, они получили общее наименование помещичьих [3, с. 35–36]. Вводя единонаследие – обязанность владельца недвижимости оставить ее только одному из своих наследников, Петр предполагал подтолкнуть остающихся без земли дворян «хлеба своего искать службою, учением, торгами и протчим» [8, с. 297]. В логике указа служба понималась как удел тех дворян, кто лишен землевладения, а традиционно землевладение понималось как право тех, кто служит. При этом и тот, кто наследовал имение, от обязательной пожизненной службы не освобождался. Такая логика сама по себе разводила службу и землевладение дворян. Устанавливая единый правовой формат для прежних вотчин и поместий, законодатель как-бы «забывал», во всяком случае умалчивал о традиционной обусловленности и обремененности поместной формы землевладения обязательной службой. Текст указа однозначно свидетельствует, что у Петра на данный момент напрочь отсутствует понимание связи между владельческими (поместными) правами дворян и их сословной обязанностью служить в войске. А это краеугольный камень допетровской системы крепостного права. Получается, что основное историческое значение указа о единонаследии определяется не тем, что в нем прописано, а тем, о чем законодатель умолчал. А. Н. Медушевский глубоко прав, когда утверждает: «Связь между владением и службой государству была впервые не обозначена законодательством, и это означало, что эта связь фактически уже не существует. Так это и было понято владельцами» [4, с. 30]. Независимо от субъективного понимания проблемы Петром – а он, похоже, был ситуативно сосредоточен именно на регулировании порядка наследования – этот сигнал не мог пройти мимо внимания поместного дворянства. Государство по-прежнему настаивает на обязательной пожизненной службе дворян, но уже не рассматривает ее в неразрывной связи с поместным землевладением. В логике прежнего закрепощения право на поместье возникало и сохранялось у дворян только в связи с их сословной обязанностью служить в войске. Теперь, после указа о единонаследии, служилое обоснование дворянской собственности предавалось забвению в результате взаимного молчаливого согласия государства и дворянства. Крестьянство в расчет не принималось, да и вряд ли оно вообще могло бы заметить и оценить тогда же подмену сословного основания крепостничества и владельческих прав помещиков не только в силу известной инерционности сознания, но и в силу видимого сохранения дворянской обязанности служить до известных узаконений

Петра III и Екатерины II. Но традиционный сословный консенсус в отношении крепостного права, который, надо признать, и ранее подтачивался, был разрушен именно петровским указом 23 марта 1714 г.

Результаты

Таким образом, в контексте истории российского крепостничества значение петровского указа о едином наследии видится в том, что поместья как некий условный комплекс прав на земли и крестьян были переданы в собственность помещиков [1, с. 242]. С этого времени дворянами усваивается собственническо-господское представление о своих правах на землю и крестьян в имении вне какой-либо связи со службой государству. А государством, и при Петре I, и при его преемниках, это представление будет только укрепляться и подтверждаться. Как справедливо отмечал К. П. Победоносцев, «... владелец населенного имения стал уже смотреть на него как на полную свою собственность, владеемую независимо от служебной повинности. Сообразно этому понятию должен был определиться и взгляд его на подвластных крестьян, как на людей, составляющих часть полной, неограниченной его собственности» [8, с. 303]. И К. П. Победоносцев абсолютно прав: указ 1714 г. дал старт резкому и долговременному ухудшению положения помещичьих крестьян, которое, с известными оговорками, конечно, стало почти неотличимо от рабского состояния.

В начале XVIII в., как и в конце предыдущего, продаже подлежали только вотчинные крестьяне, а на поместных крестьян нельзя было оформлять купчие, можно было только так называемые поступные, хотя фактически и в одном, и в другом случае имела место продажа. По данным Московской крепостной конторы, где регистрировались сделки на крестьян, к 1720-м гг. поступные на поместных крестьян исчезают, их место занимают купчие [3, с. 36]. В 1721 г. Петр дал Сенату распоряжение рассмотреть вопрос о запрете продажи крестьян без земли. Но до какого-либо законодательного оформления рассмотрение этого вопроса не было доведено, и розничная торговля крестьянами не только не была запрещена, но и получила еще большее распространение [3, с. 37].

В историографии обращается внимание на то, что дворяне упорно противодействовали практике едином наследия, пытаясь сохранить принцип равного раздела имущества между наследниками [6, с. 26]. В этом отношении дворянство было недовольно указом Петра. Но главное в указе, приватизация поместий, их более чем устраивало. Освобождение дворянского землевладения – пока еще не самих дворян – от обусловленности обязательной службой их более чем устраивало. Все последующее известное продворянское законодательство XVIII в. будет строиться на зыбком фундаменте игнорирования в указе 1714 г. факта взаимообусловленности помещичьего землевладения и дворянской службы. Императрица Анна Иоанновна именным указом от 17 марта 1731 г. отменит нормы указа 1714 г. в части регулирования едином наследия, но подтвердит именование поместий и вотчин недвижимым имением (на вотчинном праве). И разумеется, ни Сенат ей не напомнит, ни сама императрица «не вспомнит» об изначальной обусловленности поместных прав дворянской службой. Поэтому нельзя согласиться с иногда встречающейся в научной литературе оценкой указа 1714 г. как резкого ограничения прав дворян в земле- и душевладении [2, с. 130]. Совсем напротив, своим указом Петр резко усилил соответствующие права дворян, молчаливо отказавшись считать службу их основанием (условием) в части, касающейся поместий.

Следующим шагом в петровском «переиздании» крепостничества стала податная реформа 1718–1724 гг. – введение подушной подати вместо подворного обложения. Две особенности этой реформы означали качественное усиление личной зависимости крестьян от помещика. Во-первых, в подушный оклад были включены, наряду с прежними тяглецами – крестьянами, дворовые люди – холопы, находившиеся в полной личной зависимости от владельца и имевшие право выхода из холопского (рабского) состояния по завещанию господина. Внутри помещичьего имения стиралась сословно-правовая грань между крепостными крестьянами, выполнявшими повинности в пользу помещика и платившими государственные подати, и дворовыми людьми, как правило, не имевшими земельного надела и своего хозяйства, соответственно – не включенными в государственное тягло и работающими на господина в домашнем хозяйстве и на барской пашне. Как отмечает, в связи с этим, Б. Н. Миронов, в результате этого помещики в отношении крестьян стали пользоваться правами, принадлежавшими прежде господам в отношении к холопам, хотя в законе на этот счет не содержалось никаких указаний [5, с. 367]. По справедливому замечанию М. М. Богословского, подушная подать падала одинаково на крестьян и на холопов; она возвышала, следовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина

до холопа, создавая единый класс крепостных людей, несвободных, но не теряющих связи с государством [9]. Во-вторых, ответственность за сбор подушной подати с крестьян возлагалась на помещиков. С этого времени помещичья свобода распоряжения крепостными – в пределах установленного ревизией количества душ – становится практически неограниченной, действительно, приближается к рабовладению. И каждый крестьянин – плательщик подати фиксировался ревизиями как потомственно (навечно) прикрепленный к владельцу имения. Вроде бы государственный, «публичный» статус ответственного за сбор подушной подати с ревизских душ на практике превращал помещичьих крестьян едва ли не в объект частной собственности помещика.

Заключение

Таким образом, указ о единонаследии и податная реформа Петра привели к своеобразной «модернизации» института крепостного права в России. Оно было «перезапущено» на новом сословно-правовом фундаменте: государство признало безусловное по отношению к обязательной дворянской службе право помещика владеть землями и крестьянами в имении. На этом основании в течение XVIII и XIX столетий и у дворян, и у государственной бюрократии формировалось, уточнялось и крепло представление о максимально приближенном к частной собственности помещичьем земле- и душевладении. В отношении к земле в имении, в большей степени, о чем прямо говорилось в законодательстве в отношении к крестьянам – в меньшей. Прямого истолкования помещичьих прав как собственности государство старалось избегать. Максимальная полнота помещичьей власти над крестьянами достигалась в формате нового видения обязательной дворянской службы: обязанности помещика обеспечивать сбор подушной подати в соответствии с количеством ревизских душ и поставку рекрутов.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 639 с.
2. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Под ред. Ананьич Б. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – 734 с.
3. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Институт российской истории, институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии Наук. – М.: Наука, 1993. – 664 с.
4. Медушевский, А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века; Институт российской истории РАН. – М.: Наука, 2005. – 639 с.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 548 с.
6. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 2: Д-К / Редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. – 656 с.
7. Павленко, Н. И. Петр Первый. 2-е изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 384 с.
8. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. – Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
9. Богословский М. М. Введение подушной подати и крепостное право // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_vvedenie_podushnoy_podati.html (дата обращения: 21.08.2021).

References

1. Vladimirkii-Budanov M. F. *An overview of the history of Russian law*, Rostov-on-Don, Feniks, 1995, 639 p. (In Russian).
2. *Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia*, edited by Anan'ich B., Moscow, OLMA-PRESS Ekslibris, 2006, 734 p. (In Russian).
3. *History of the peasantry of Russia from ancient times till 1917*, vol. 3, Institute of Russian History, Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Nauka, 1993, 664 p. (In Russian).
4. Medushevskii A. N. *Agrarian reform projects in Russia: XVIII – the beginning of the XXI century*, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Nauka, 2005, 639 p. (In Russian).
5. Mironov B. N. *Social history of Russia in the Imperial period (XVIII – early XX century). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law*, In 2 vol., vol. 1, St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 1999, 548 p. (In Russian).

6. *Russian History: an Encyclopedia*: in 5 vol., vol. 2, D-K, Editorial Board: V. L. Yanin (editor-in-chief) et al., Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1996, 656 p. (In Russian).
7. Pavlenko N. I. *Peter the Great*, 2-nd edition, revised, Moscow, Molodaya gvardiya, 1976, 384 p. (In Russian).
8. *Russian legislation of the X – XX centuries*. In 9 vol., vol. 4. Legislation of the period of formation of absolutism, Resp. ed. A. G. Man'kov, Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986, 512 p. (In Russian).
9. Bogoslovskii M. M. Introduction of poll tax and serfdom, *Literature and Life*. Available at: http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_vvedenie_podushnoy_podati.html (accessed 21.08.2021).